

УДК 391/393

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-2-74-78

**ПЕРВАЯ ЮКАГИРСКАЯ ПОВЕСТЬ ТЭКИ ОДУЛОКА
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРА**© *Хазанкович Юлия Геннадьевна*

доктор филологических наук, профессор,

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия, 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 46

E-mail: hazankovich33@mail.ru

В статье доказывается необходимость широкого контекстного подхода к произведениям национальных российских литератур. Избранный аспект призван осмыслить первую юкагирскую повесть «Жизнь Имтеургина-старшего» Тэки Одулока как художественно-исторический феномен и выявить его место в истории юкагирской литературы и малочисленных народов Севера. Обращение к контекстному рассмотрению данного произведения позволило выявить его художественные константы, а также представить интерпретацию повести в контексте истории художественной словесности северян. В повести со всей полнотой отражена специфика национального мировосприятия, национального речевого поведения юкагиров. Стремление быть готовыми к «новым вызовам выживания культур», стратегия синтеза опыта русской литературы и национальной традиции, использованная в повести Т. Одулока, определили ее оригинальность и эстетическое своеобразие юкагирской литературы в целом.

Ключевые слова: Тэки Одулок; первая юкагирская повесть; контекст; литература народов Севера.

Поводом для обращения к исследованию первой юкагирской повести стала трагическая дата. Год 2018 — памятный в истории юкагирской литературы. В апреле 1938 г. был расстрелян зачинатель юкагирской литературы Николай Иванович Спиридонов, более известный под творческим псевдонимом Тэки Одулок. В истории юкагирской литературы это имя закреплено в таком написании — Тэки, но на языке вадулов — тундренных юкагиров его имя звучит иначе. Тиэки — так родители называли своего сына — в переводе означает «белка-летяга». По версии современного юкагирского писателя и поэта Улуру Адо, «родители мечтали, чтобы он вырос славным охотником, сильным и ловким, как сказочный юкагир, передвигавшийся, отталкиваясь, с верхушки одного дерева на другое, словно белка-летяга» [12, с. 65].

Тэки Одулок стоял у истоков не только юкагирской литературы, но и литературы малочисленных народов Севера России в целом. В результате обвинительного приговора имя Тэки Одулока надолго было изъято из литературоведческого обихода и все творчество писателя было отнесено к так называемой «задержанной литературе». Только после посмертной реабилитации Одулока в середине 1950-х гг., благодаря деятельности Лидии Чуковской, написавшей статью «Об одной забытой книге» [13], доброе имя зачинателя юкагирской литературы было восстановлено.

Мысль о необходимости возвращения намеренно «забытой» книги Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего» была высказана А. М. Горьким еще в 1930-е гг. В книге «Горький и Якутия» приводятся слова советского классика, посвященные Тэки Одулоку: «Вы, сибиряки, должны помогать писателям малых народно-

стей. Край у Вас многоязыкий. Юкагир один хорошую книгу написал — «Жизнь Имтеургина-старшего». Я приехал домой со съезда, взял посмотреть и прочитал всю. А в книге страниц 150. Хороша! До двух часов ночи читал. И поражаюсь: огонь добывают деревянным сверлом <...> А как там все описано! Совершенно неизвестная жизнь открывается перед читателем» [2, с. 85].

Основное содержание этой восхитившей Горького книги — автобиографическое, на что указывают, в частности, А. Пошатаева [11], А. Михайлова [5], а также Г. Курилов-Улуро Адо [12]. О своем земляке-юкагире Улуро Адо пишет: «По рассказам безоленных юкагиров, в голодные зимы, приводившие к массовым голодным смертям целые семьи, такая угроза, как дамоклов меч, нависла и над семьей Атыляхана (отца Н. Спиридонова. — Ю. Х.). Поэтому после одной, особенно трудной зимовки он решил отдать сына Тиэки в батраки русскому купцу, чтобы спасти тем самым его от голодной смерти» [12, с. 268]. Эти драматические события стали основой для сюжета повести Одулока, которая была напечатана в 1934 г. Но ее выходу в свет предшествовала командировка писателя на Чукотку и публикация в 1930 г. очерка «Одулы (юкагиры) Колымского края». Изначально Одулок замыслил трилогию. Вторая часть должна была изобразить жизнь Имтеургина-младшего, но издан был только небольшой рассказ под названием «Имтехай у собачьих людей», который остался незамеченным критикой, в отличие от первой части, изученной достаточно хорошо [4; 3; 9; 7].

Нужно сказать, что юкагирская интонация не потерялась при переводе повести Одулока на русский язык. Юкагирская культура находит свое вербальное выражение в тексте: «Тут Имтеургин неслышно подкрался из-за оленей и накинул ему на рога чаут — длинный плетенный аркан из оленьей кожи»; «Собаку надо взять, — сказал Имтеургин жене. — В тот раз хорошего песка упустили. Сшей собаке лолоквыт, а то она замерзнет». Жена взяла шкуру выпоротка и стала прошивать ее толстой иглой» [8, с. 24–25]. Но чаще в повествовании Т. Одулока национальный компонент выражен имплицитно.

Так, Одулок художественно воплощает традиционную для Северян веру в магию Слова, обращаясь к жанру заговора: «Он разгребал снег руками и кричал: “Я — олень. Я вожак. Я снега не боюсь. Вот какой я олень”. Потом посмотрел на оленей и громко сказал: “Олени мои льда не боятся. У них ногти железные, рога — медные, глаза — огненные. Обезножье болезнь их боится, близко не подходит, далеко бежит. Вот. Яккаем!” Он вытащил из-за пояса нож, поднял его над головой и закричал еще громче: “Убью! Забодая! Волка заколю, обезножье нарежу, чесотке брюхо распорю! Вот! Лучше уходите, моих оленей не трогайте!”» [8, с. 39].

В речи и поведении персонажей повести автор отражает специфику национального мировосприятия, воспроизводя стереотипы речевого поведения юкагиров. Проведение обряда, как правило, сопровождается определенной речевой «формульностью». Формульность заговора Одулок стилизует посредством сохранения его интонационно-синтаксической составляющей: «”Ворон, лети на ветрового шамана, садись, глаза выколи, голову пробей, мозг съешь...”». Но слова не помогали. Тогда Имтеургин выставил волчьи зубы и закричал еще громче: “Волк, беги, ветровому ноги отъешь! Горло ему перекуси, пускай не дует на нас...”» [8, с. 39].

Бытовая речь самого Имтеургина при всей ее индивидуальности обладает национальной спецификой. Речевая кодификация поведения героя обусловлена

существующими в культуре данного народа традициями и обычаями (отношение к женщине, обычай гостеприимства, обряд «кормления духов» и др.). Обряд «кормления духа» описан следующим образом: «"Хорошо", — сказал Имтеургин и засмеялся. Все лицо у него было в крови, только зубы белые. "Ваырган-дух мя-со дал. Жирное. Поешь, Ваырган-дух". Отец положил в светильню кусочек мозга. Потом из-за ворота рубахи достал ольховый сучок, раздвоенный с одного конца. Это и был Ваырган... "Жена, покорми его". Ваыргана помазали сверху жиром, потом кровью и подержали над огнем» [8, с. 25].

Выход повести Одулока в свет не только ознаменовал начало юкагирской литературы, но и переход юкагирской культуры от устного слова к письменному. Книга Одулока опередила путь развития литератур народов Севера почти на столетие. Однако в автобиографическом повествовании и драматической концовке повести ощутимо влияние литературного авторитета М. Горького — его автобиографической трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты». В связи с этим вопрос о самостоятельности/несамостоятельности первой повести Тэки Одулока долгое время оставался открытым. В 1996 г. в газете «Литературная Россия» вышла дискуссионная статья известного критика В. Огрызко «Северная рапсодия» [6, с. 11]. В статье утверждалось, что повесть Тэки Одулока есть результат художественного сотворчества юкагирского автора и С. Я. Маршака. Между тем, по воспоминаниям самого Маршака и очевидцев дружеского наставничества крупного писателя, создание повести стало результатом его помощи начинающему автору. Одулок был прекрасным рассказчиком, но красочность, точность и образность его языка мгновенно утрачивались, как только свои рассказы он пытался перенести на бумагу. И тогда Маршак нашел выход: он решил сам записывать устные рассказы Одулока, которые впоследствии обрели целостность и стали основой повести «Жизнь Имтеургина-старшего». Полагаем, что ценность неоднозначного содержания статьи В. Огрызко заключена в том, что он активизирует интерес к творчеству зачинателей литератур малочисленных народов Севера, вносит полемичность в восприятие наследия ее классиков.

Подчеркнем, что первая юкагирская повесть ознаменовала официальное рождение и полноценное функционирование русскоязычной литературы в национальной художественной словесности северян. Бытует мнение, что литература на русском языке не является достоянием литературы того народа, представителем которого является писатель. Эта позиция спорна и чревата отказом от подлинной истории литературы.

Русскоязычная повесть Тэки Одулока — это, безусловно, достояние юкагирской литературы, равно как русскоязычный роман Гамаллила Гантимурова — неотъемлемая часть истории эвенкийской литературы, а русскоязычное творчество нашего современника Еремея Айпина — гордость хантыйской литературы. Одулок также стоял у истоков становления жанровой системы юкагирской литературы и литератур народов Севера. Он обновил жанр социально-бытовой повести, введя в нее трагическое начало. Эта «трагедия быта» поразила в свое время такого искушенного читателя, как М. Горький. Наполненное трагическим содержанием повествование Одулока определило появление через несколько десятилетий поистине бытийных трагедий — романов нивха В. Санги «Женитьба Кевонгов», ханта Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари», повестей-трагедий эвенков Алитета Немтушкина «Дорога в Нижний мир», А. Лат-

кина «Последнее пришествие», ненки А. Неркаги «Молчащий» и других писателей.

Кроме того, творчество Тэки Одулока дало толчок появлению жанра путевого очерка в литературах народов Севера. После командировки на Чукотку Одулок пишет очерк «На Крайнем Севере», который публикуется под редакцией В. Тан-Богораза в 1933 г. В 1990-е гг. в юкагирской литературе появился последователь Одулока — Н. Курилов, из-под пера которого вышла книга путевых заметок «Хай!», где автор поделился с читателем своими впечатлениями о поездке к североамериканским индейцам.

1938 год — особый в истории юкагирской литературы. В этот год — год гибели первого ее прозаика Тэки Одулока — на свет в Олеринской тундре Якутии появился его продолжатель — Гаврил Курилов (Улуро Адо). Улуро Адо — поэт, прозаик, сын последнего юкагирского шамана, который воспринимает родную культуру на глубинном, интуитивном уровне и транслирует этническое наследие юкагигов через художественное творчество.

Прочтение повести Тэки Одулока в контекстно-историческом плане позволяет нам присоединиться к мнению А. В. Ващенко о том, что развитие литератур народов Севера — «это процесс, протекавший и протекающий посреди все новых вызовов выживанию их культур» [1, с. 11]. Стратегия синтеза опыта русской литературы и национальной традиции, использованная Одулоком, определила эстетическое своеобразие юкагирской литературы в целом.

Литература

1. Ващенко А. В. Сила автохтонного слова / Гобзев И. Цветы во льдах. — М.: Литературная Россия, 2013. — С. 3-13.
2. Горький и Якутия. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. — 260 с.
3. Комановский Б. Л. Литература малых народов Крайнего Севера и Дальнего Востока // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967. — С. 245–246.
4. Ломидзе Г. И. Литературы возрожденных народов // Второе рождение. — М., 1983. — С. 3–12.
5. Михайлов А. Ускорение: Лит.-критич. исслед. о лит. народностей Севера. — Якутск: Кн. изд-во, 1983. — 140 с.
6. Огрызко В. Северная рапсодия // Литературная Россия. — 1996. — № 33. — С. 11.
7. Огрызко В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: Биобиблиографический справочник: В 2 ч. Ч. 2. — М.: Лит. Россия, 1998. — С. 3–10.
8. Одулок Т. Жизнь Имтеургина-старшего. — Якутск: Якутское книжное издательство, 1987. — С. 19–96.
9. Окорокова В. Б. Литературы народов Севера Якутии. — Якутск: Издательство ЯГУ, 1997. — 33 с.
10. Чуковская Л. В лаборатории редактора. — М.: Искусство, 1960. — С. 237–244.
11. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера. — М.: Наука, 1988. — 167 с.
12. Улуро Адо Избранное. — Якутск, 2013. — 268 с.
13. Чуковская Л. Об одной забытой книге // Сибирские огни. — 1959. — № 1. — С. 177–179 [Электронный ресурс]. — URL: <http://knigakan.ru/literaturnaya-kartaa/yukagirskaya-literatura/teki-odulok/o-zhizni-i-tvorchestve-teki-oduloka/ob-odnoj-zabytoj-knige.html> (дата обращения: 05.02.2018).

THE STORY OF TEKI ODULOK «THE LIFE OF THE IMTEURGIN THE ELDER»
IN THE CONTEXT OF THE LITERATURE OF THE SMALL PEOPLES
OF THE NORTH

Yulya G. Khazankovitch

Dr. Sci., Prof., Department of Russian Literature of the 20th century and Literary
Theory,
North-Eastern Federal University
58 Belinskogo St., Yakutsk, 698000 Russia
E-mail: hazankovich33@mail.ru

The article the need for a broad contextual approach to works of national Russian literatures is proved. The selected aspect is designed to comprehend the first Yukaghir story "The Life of the Imteurgin the Elder" by Taki Odulok as an artistic and historical phenomenon and to reveal its place in the history of the Yukaghir literature and the small peoples of the North. Appeal to the contextual method of text research allowed to reveal its artistic constants, as well as to present a phenomenological interpretation of the story in the context of the history of literature of the northerners. The specificity of the national perception of the world, the national speech behavior of the Yukagirs is fully reflected in the narrative. The desire to be ready for the "new challenges of the cultures survival" and the strategy of synthesis of the experience of Russian literature and the national tradition, used by T. Odulok's story, determined its originality and aesthetic identity of the Yukaghir literature as a whole.

Keywords: Teki Odulok; first Yukaghir story; context; literature of the peoples of the North.